

П.П. Марченя

ЗЕЛЕНый ЗМий И КРАСНАЯ СМУТА:
ПЬЯНЫЕ ПОГРОМЫ
КАК ОРУДИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В 1917 ГОДУ

Проблема, вынесенная в заглавие, обладает известной специфичностью, требующей особой интеллектуальной осторожности и от автора, и от читателя: слишком легко из предмета научного исследования она может перейти в предмет публицистических спекуляций и псевдоисторических обобщений. Но писать о «русской смуте», пытаясь оставить в стороне тему алкоголя и пьяных погромов (которые во многом и определяли отчетливый сюрреализм «российского народовластия» образца 1917-го, фиктивный характер так называемой «Февральской демократии» в целом и общую динамику ее социокультурного и политического вырождения в Гражданскую войну), значит умножать и без того кажущиеся бесчисленными тома и тома «истории без живых людей», продолжая искусственно изымать из прошлого «его человека»¹.

«Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы...», – эти популярнейшие строки из русской классики применимы к роковым событиям истории не всегда лишь в переносном смысле. «Упоение» на «пиру во время чумы» нередко следует понимать в прямом смысле этого слова, так же, как и «упившихся» до «боевого» умопомрачения людей приходится признавать немаловажными участниками масштабных социально-политических процессов. Истоиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующих – и связанные с этим социальные девиации составляют изрядную (если не непременною) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость усмирить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной *Власти*, способной восстановить трезвый порядок, становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к социальной норме.

Homo ebrius – «Человек пьяный» (или *Homo nimii vini* – «Человек, чрезмерно пьющий») – являлся и, увы, является одной из реальных движущих сил всевозможных «смут», массовых насильственных

действий, масштабных беспорядков и прочих социальных отклонений в истории человечества в целом, и России в частности. Вопрос о степени влияния алкоголя на ход именно русской смуты и русской истории вообще относится к числу самых болезненных и противоречивых. Но еще А.Н. Радищев так писал об исключительной значимости этого вопроса в отечественной истории (*сохранена орфография и пунктуация издания. – П.М.*): «Посмотри на русаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. – Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обгаренной кровию от оплеух, **многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!**»² (*выделено мной. – П.М.*).

В настоящем очерке предпринята попытка частичного обобщения (не претендующего на полноту охвата всего «доселе гадательного») как уже введенной ранее в научный оборот, так и собранной лично автором³ информации о месте и роли алкоголя в «русской смуте» между Февралем и Октябрем 1917 г. – как прологе Гражданской войны в России.

Вообще, в ситуациях смут, революций и прочих массовых социальных катаклизмов даже один только факт непосредственной принадлежности человека к активно творящей историю массе уже сам по себе способен порождать состояние «опьянения» – причем не только от самозабвенного «упоения бунтом» в худшем смысле этого слова⁴, но и от причастности к событиям подлинно исторического масштаба, от радостного осознания личного соучастия в крушении «старого мира» и созидании «мира нового», «нового неба и новой земли»:

*...Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных, отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь...⁵*

Увы, очень часто это «хмельное вдохновение» не остается всего лишь поэтическим образом, а получает конкретную химическую подпитку и становится одной из реальных психофизиологических причин охватывающего революционную эпоху социального безумия.

В определенном отношении, «смутное время» и злоупотребления алкоголем вообще неразделимы, как неразделимы состояние опьянения и состояние смуты (в душах, умах, народах, государствах...). Как еще за год до Февраля пророчески выразил «смутное», но уже заведомо «пьянящее» предчувствие надвигающейся «смуты» О. Мандельштам:

*О, этот воздух, смутой пьяный
На черной площади Кремля.
Качают шаткий «мир» смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.
Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.
А в запечатанных соборах,
Где и прохладно и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.
Успенский, дивно округленный,
Весь удивленья райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.
Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, –
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...⁶*

«Игра русского вина» и разбойный, соборно-лесной «спрятанный огонь», в конце концов, все же выбили шаткую, насквозь прогнившую пробку одряхлевшего самодержавия. Но, вырвавшись на «воздух, смутой пьяный», они оказались вовсе не только красивыми художественными метафорами. Выяснилось, что выпущенный на волю джинн неведомой, «новой» – **«Красной смуты»** – имеет много общего с хорошо знакомым, «старым добрым» – **«Зеленым змием»**.

Проблема научного осмысления «пьяного фактора» в политических событиях смуты по праву занимает особое место в комплексе вопросов, связанных с изучением различных аспектов действительного («непричесанного») участия народных масс в истории (как и реальных проявлений феномена массового сознания на ее критических этапах). При этом «пьяная тема» в контексте своеобразной «антропологической химии» смут и революций одновременно является и одной из наиболее «жареных» и, казалось бы, «всем понятных», и, вместе с тем, наименее систематизированных и **понятых**. Хотя сама тема действительно представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду далеко не последнюю по значимости социально-психологическую (или даже «социально-химическую») предпосылку пресловутой «бессмысленности и беспощадности» русского (но, разумеется, не только *русского*) бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной компоненты социально значимого поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не

только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «антропохимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «хрониках революционных событий» «революционные движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена» отечественной истории.

Современные социологи указывают на неизжитую и в нынешней России актуальность «алкогольного фактора» в «переходные периоды» отечественной социальной жизни: «Проблема пьянства и связанных с ним последствий для России всегда была острой, болезненной. В силу целого ряда обстоятельств: характера народных традиций и обычаев, уровня культуры и материального благосостояния, особенностей природно-климатических условий – негативное воздействие данного социального явления на развитие сферы жизнедеятельности общества проявлялось в отличие от многих других стран особенно ощутимо»⁷.

К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясений, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе наименование «северного стиля»⁸, закономерно становится уже не только обязательным элементом народной обрядности и привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших и (или) еще желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский пир: «*Кто хочет пить и есть из готового – валися к Ваське на широкий двор*»⁹ (Да и былинный святой (*sic!*) богатырь Илья Муромец, бывало, обидевшись на князя, созывал массы сходным кличем: «*Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские! Ступайте пить со мной заодно зелена вина...*», – что отдельные исследователи склонны рассматривать как древний прообраз всей русской революции 1917 г.)¹⁰.

Толпы нетрезвых сторонников буслаевской «политической платформы» и манипулирующие ими пассионарные авантюристы, вожди, вожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего государства и общества. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь становится фактором политической истории, своеобразно консолидирующим *Традицию* и

Революцию: мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений нередко напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом социальной психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

Актуализация и «политизация» подобных массовых настроений и архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и собственно алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для «политических» лозунгов типа: «*Грабь награбленное*» (фактически традиционного: «*Сарынь на кичку*»). Очевидно, что пьяного легче подвигнуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предмет экспроприации будет еще и сама выпивка¹¹ – как повод к продолжению «праздника революции» (как говорили в народе, «*где вино, там и праздничек*», «*без блинов не масленица, а без вина не праздник*», «*кто празднику рад – тот до свету пьян*»¹²...). Очевидно так же и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть. Поэтому алкоголь являлся (и является) мощным фактором, который можно использовать в политической борьбе.

И особенно наглядно этот фактор проявляет себя во времена общероссийских смут. Смута–1917 не явилась исключением. Более того, она сама по себе может служить хрестоматийно-классическим примером превращения алкоголя в политическое оружие массового поражения.

Показательно, что и смуте 1917 г., и смуте, начавшейся в 80-е гг. XX в., предшествовали антиалкогольные кампании, вводимые в ходе которых жесткие ограничения на потребление алкоголя не только не оказывались достаточно эффективными в долговременной исторической перспективе¹³ («все попытки прямых и косвенных ограничений давали обратный эффект»¹⁴), но, напротив, еще и усугубляли (а в определенной мере даже порождали и генерировали) особую социально-психологическую атмосферу и динамику массовых процессов отечественных «смутных времен»¹⁵. В рассматриваемом контексте трудно не согласиться с теми из исследователей, которые подчеркивают, что «...сухой закон сыграл поистине роковую роль в русской истории»¹⁶. В генезисе русских смут можно усмотреть явную «алкогольную закономерность», включающую в себя повторяемую последовательность:

смуте предшествует «сухой закон». Последний, в свою очередь, расстраивает один из важных механизмов сбалансированности в системе взаимодействия власти и общества России и подготавливает почву для прорыва в сферу публичной политики внеполитической стихии массового буйства.

Традиционным антиподом бессмысленности социально-политических действий и психологически глубоко укоренившейся в народном сознании (причем привычной сознанию не только массовому, но и элитарному) формой протеста против неадекватных шагов власти в России является пьянство (и, хотя и не целиком обусловленный последним, но по-соседски тесно с ним взаимоповязанный бунт). Одним из своих «исконнейших» гражданских прав многие русские (еще раз оговоримся: конечно же, не только русские¹⁷) люди считали (и, в большинстве своем, продолжают считать) «святое право», в ответ на любые несправедливости власти, социальные тяготы и неурядицы в первую очередь как следует напиться.

У такой социально значимой реакции (при определенных условиях легко способной перерасти в социальную патологию) есть свои глубинные онтологические основания. По образному определению Б. Шоу, «алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь». А, выражаясь языком пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем, «напиться» («зашибить дрозда, «сполоснуть зубы», «уйти под муху», «побыть на втором взводе»...) – это в первую очередь значит «двинуть от всех скорбей»... «Такую горечь – горьким и запить»... «Хошь не хошь, а выпить надо», ибо «без поливки и капуста сохнет, «не пить, так на свете не жить», «пить – горе, а не пить – вдвое» и т.д.¹⁸

Историко-антропологическое осмысление жажды русского¹⁹ (как, впрочем, и любого другого) человека ввести себя в социально опасное состояние опьянения не следует подменять медицинскими предостережениями о вреде алкоголизма. Не стоит отмахиваться от давно известных и значимых для человека и общества фактов: «Человек желает опьянения, когда все вокруг надоело, вызывает раздражение, ничто не радует, не может заполнить пустоту в душе. Когда им овладевает скука, тоска, духовная жажда, ностальгия по истине, благу, красоте, подлинному миру, абсолютному бытию. Когда хочется так недостающих радости, света, веселья, душевной полноты. Вот тогда и приходит мечта о другой, чистой, светлой и радостной жизни, желание попасть в другой мир, "увидеть небо в алмазах"²⁰»... Увы, что касается массовых процессов, пьяный угар человека и общества ведет, как правило, не в «небо в алмазах», а в грязь и кровь.

Тем не менее, периодическое пьянство как архаический элемент народной «карнавальной»²¹ культуры традиционно являлось мерой сброса

эмоционального перенапряжения в обществе с целью профилактики *тотального бунта*. Вообще, как сформулировал, например, Р. Генон, возможность циклического «карнавального» удовлетворения влечений «человека толпы» к «низшему», «темному», «зловещему», «сатанинскому», имеет жизненно важный социальный смысл: «...Он заключается в том, чтобы каким-то образом "канализировать" эти влечения и сделать их, насколько это возможно, безопасными, дав им возможность проявиться лишь на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, заключив их тем самым в тесные рамки, которых они не в силах переступить. В противном случае эти склонности, не получая минимального удовлетворения, требуемого современным состоянием человечества, могли бы вызвать своего рода взрыв, чьи последствия сказались бы на всей совокупности как индивидуального, так и коллективного бытия, послужив причиной куда худшего беспорядка, чем тот, который допускается всего на несколько дней, специально отведенных для этой цели, и который, кроме того, куда менее страшен, поскольку он отчасти "регулируется" этими ограничениями, ибо, с одной стороны, карнавальные дни как бы выпадают из обычного распорядка вещей, не оказывая на него сколько-нибудь значительного влияния, а с другой – тот факт, что в них нет ничего непредвиденного, в некотором роде "нормализует" сам разлад и включает его во всеобщий порядок»²².

Власти предреволюционной эпохи не учли, что «сухой закон» в конкретно-исторических условиях России того времени являлся комплексным (биосоциальным, социокультурным и политико-психологическим) фактором, не предотвращающим и погашающим, а напротив – провоцирующим и продуцирующим всенародную смуту. Отчасти этим можно объяснить и «эпилептоидную» смену абсолютным большинством населения России, крестьянством, обычного «коллективного долготерпения» – на внезапные «вспышки стадной ярости»²³. Как метко подметил иностранец (английский писатель М. Уоллес, живший в русской деревне в последней трети XIX в.): «Нет в мире более добродушного и миролюбивого класса населения, чем русские крестьяне; если не пьяны, они никогда не дерутся»²⁴. Однако именно «...выпивка для крестьян являлась единственно доступным удовольствием, дававшим возможность на время забыть обычную тяготу и неприглядность жизни. <...> В этом следует видеть проявление психологии русского мужика. Как надрывался пахарь в поле до разрыва жил, так он и пил вино, на полную катушку, до беспамятства»²⁵. «Ведь как мы работаем! – Ну, тоже и праздновать хочется. А как нам праздновать? В городе у вас киятры [*театры* – П.М.] разные, музыка, катанья да гулянья, – а у нас какое веселье? Выпьешь бутылочку, зашумело в голове – вот и весело, вот и все наше мужицкое веселье!!!»²⁶.

Но особенно больно «сухой закон» бил именно по главным, авангардным революционным силам российских городов – по «фабричным» и «гарнизонным»: «богатая публика обходила запреты, в деревнях крестьяне гнали самогон, а вот рабочим, как и солдатам, приходилось терпеть жизненные тяготы на трезвую голову»²⁷.

Лишенные возможности канализации социальной агрессии в привычной форме и доступным способом, массы копили энергию социального взрыва. Ущемленные в своем «естественном» праве «спускать пар» в пьяном забытии, дарующем хотя бы иллюзорное облегчение от всех жизненных невзгод (число которых, заметим, резко возросло именно накануне и в ходе смуты), взвинченные вынужденным временным воздержанием от алкоголя, – массы бросились активно наверстывать упущенное, когда смута «революционным порядком» отменила соответствующие ограничения и выпустила накопившееся напряжение в социальную сферу. Аккумулятивный «сухим законом» массовый психологический «пар» вырвался со страшной силой, сокрушая основания признанного несправедливым «старого мира».

Фиксируя события русской революции в дневниках, или вспоминая их впоследствии в мемуарах, многие очевидцы отмечали необычную патологическую злобу и внешне беспричинную, немотивированную агрессивность, охватывавшие человека в возмущенной толпе, когда он «...разбивает винный склад и гибнет от запоя... портит и расхищает всякое, не принадлежащее ему имущество, как казенное или городское, так и частное»²⁸.

Несложно заметить, что разрушать вообще сподручнее, да и гораздо «веселее», спьяну. Однако, как давно уже подмечено самим народом: «*вино сперва веселит, а там без ума творит*». На смену куражу пьяного «веселия» празднующей революционной хмельной карнавал народной Руси неизбежно заступала горечь тяжкого «похмелья», что усугубляло «революционное» ожесточение и пролонгировало желание вновь «развеселиться».

Подобные микроциклы (круговорот которых вполне соответствовал логике еще одной русской народной поговорки: «*Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко*») в поведении определенной части активных участников изнаночной жизни русской революции оказывали заметное воздействие на динамику смуты. Как сформулировала в статье со знаковым наименованием «Алкоголь и русская революция» современный исследователь Т.А. Павлова: «Не придавая роли алкогольной агрессии в насилиях времен русской революции исключительного значения, следует, однако, отметить: нарастающий вал кровавой, изощренной, часто бессмысленной жестокости в немалой мере был обусловлен массовым и систематическим отравлением людей плохо очищенным алкоголем. Потребление его растормаживало низшие

инстинкты, страсти и влечения, отнимало способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождало импульсивность и неуправляемость. В свою очередь состояние абстиненции (похмельный синдром) множило чувства гнева, раздражения, озлобленности, стремление выместить на беззащитных людях любого класса и социального статуса... свою неконтролируемую агрессию. Эти психофизиологические процессы отчасти объясняют тот внезапный взрыв "революционной истерии", который имел такие пагубные последствия для истории России»²⁹.

Поэтически обобщенное художественное видение такой всенародной хмельной истерии «русской смуты» ярко иллюстрируют стихи С. Бехтеева, написанные по свежим впечатлениям (в ноябре 1917 г.) от знакомства с некоторыми результатами «революционной демократии»:

*Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под злоеший набат
Совесть навеки хоронит.
Дергает веревье страшный звонарь
С злобой и яростью пьяной;
В зареве красном зловонная гарь
Носится в дымке туманной.
Громко скликает гудящая медь
– Чернь на кровавое вече:
Рвется на волю двуногий медведь,
Падая кубарем с печи.
Рушатся кровли церковей и палат,
Падают в парке березы;
Эхом звериным далеко звучат
Вопли, хулы и угрозы.
Челядь под крики и звон топоров
Празднует праздник свободы
С песнями пляшут у ярких костров
Диких людей хороводы.
Льется сивуха; ликует разврат;
Боги летят с пьедесталов;
Зычно скликает погромный набат
К падали красных шакалов.
Шапка упала к ногам звонаря;
Ждать, мол, осталось немного:
Выкинул он из России Царя,
Выкинет кстати и Бога.
Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под злоеший набат
Совесть навеки хоронит³⁰ ...*

Вообще, начиная с Февраля, все происходящее с Россией у многих наблюдателей ассоциировалось прежде всего с всенародным «опьянением». И.Л. Солоневич позже запишет это так: «...Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, – какая великая безмозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге – эти стада: проклятое кровавое самодержавие – кончилось! Над миром восстает заря, лишенная "аннексий и контрибуций", капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая всякое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба. Они были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами – и гражданскими, и мировыми – полным опустошением половины России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, – они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: XX век, культура, трамваи, Карл Маркс, ватерклозеты, эсэры (*так в тексте. – П.М.*), эсдеки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, – и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей...»³¹.

Справедливости ради стоит отметить, что для широких масс (да и не только для масс) восприятие всего происходящего в России с Февраля «на трезвую голову» действительно было, мягко выражаясь, затруднительно. В результате, настроение обывателя в целом, и, в особенности, отношение его к немногочисленным «трезвым речам» всевозможных «разъяснителей» и «увещевателей», было сродни удачно переданному в старом, но отнюдь не утратившем актуальности стихотворении Д. Давыдова:

*Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
«Жомини да Жомини!»
А об водке ни полслова...*

Причем показательно, что многие свидетели, очевидцы и участники русской смуты 1917 г. при описании самых разноплановых ее событий, не сговариваясь, используют «алкоголесодержащую» лексику и непосредственно связанные с алкоголем эмоционально-художественные образы.

«Теперь не кстати воздержанье: / Как дикий Скиф хочу я пить!», – выразили художественное видение основного настроения смутного времени поэты Серебряного века в программном сборнике «Скифы»,

прозой уточнив, что «бывают времена и сроки, когда еще преступнее [чем "пьянствовать бесчинно". – П.М.] "жизни пьяное вино растворять водою трезвой"»³².

«Ты – бездомная, гуляющая, хмельная, Во Христе юродивая Русь» – с грустью, но и с какой-то смутной гордостью признавал М. Волошин³³. Куда более жестко и лаконично – исчерпывающим термином «кабак»³⁴ – определял всю совокупность «ослепительных достижений нашего Февраля» в целом И.Л. Солоневич. О «революционной сивухе»³⁵ (равно как и о «демократической сивухе»³⁶), отравлявшей сознание русского народа и русской интеллигенции³⁷, писал С.Н. Булгаков, описывавший Февраль так: «Все радовались, все ликовали, красный Дионис ходил по Москве и сыпал в толпу свой красный хмель»³⁸. Типичным можно признать «признательное» высказывание Н.В. Устрялова, который охарактеризовал охвативший не только массы, но и элиты, постфевральский «революционно-алкогольный синдром» следующим образом: «Да, все мы, даже самые трезвые, были хоть на миг, хоть на пару дней опьянены этим хмельным напитком весенней революции»³⁹.

По смыслу, подобные элитарные высказывания тождественны массовой присказке: «мартовское пиво с ног сбило». И таких признаний и оценок можно привести великое множество, что свидетельствует об их явной неслучайности. В массовом сознании прочно закрепился образ «пьяной революции»⁴⁰.

Как «образец народного юмора», многими газетами в 1917 г. была перепечатана получившая широкое распространение (реально «ходившая по рукам») листовка («Декларация») самопровозглашенной «Партии алкоголиков» с «предвыборной агитацией» следующего, весьма показательного содержания:

*«Граждане и Гражданки!!!
Голосуйте за список № 18.*

Наш девиз:

*"Алкоголики всех стран, соединяйтесь"
"Лишь в опьянении обретешь ты утешение"*

Мы требуем:

- 1. Свободной повсеместной продаже питей[ного].*
- 2. Всеобщего, прямого, равного, тайного и явного распития спиртных напитков, во всех видах и во всякой посуде.*
- 3. Свободного выбора разного рода питей и закусок к ним, основанного на принципе самоопределения желудка всех народов без различия пола, возраста, вероисповедания и убеждения.*
- 4. Гласного всенародного суда алкоголиков над представителями старой власти, за прекращение ими винной продажи и строгого наказания их вплоть до ссылки на каторжные работы без срока.*
- 5. Полной амнистии и немедленного освобождения из всех мест заключения, при старом и новом режимах, производителей и продавцов ханжи, политуры, денатурата, кислушки, самогонки и пр. и пр. и пр.*

6. Всеобщего бесплатного лечения всех пострадавших на почве алкоголизма.

7. Свободного возвращения домой, во всякое время, упившихся, без аннексий и контрибуций.

8. Войны до победного конца с женами, сожительницами, матерями и сестрами за СВОБОДНУЮ АВТОНОМНУЮ ВЫПИВКУ.

Да здравствует РАСПИВОЧНО И НАВЫНОС.

Партия алкоголиков»⁴¹...

А если серьезно, то чтобы заметить, насколько действительно имманентна проблема пьянства всему российскому политическому процессу 1917 г., достаточно хотя бы бегло пролистать газеты и журналы этого времени. Терминология революционной прессы имела ярко выраженную алкогольно-тематическую направленность: «общественное брожение», «массовое помутнение», «опьянение демократией», «политический кабак», «пьяный угар», «пьяный разгул», «градус революции», «революционная сивуха», «революционный хмель», «хмельная свобода», «горькое похмелье»... и т.д. и т.п.

В политическом интерьере «Красной смуты», заметно сказавшейся на цветовой гамме многих привычных российскому обществу социокультурных символов, традиционного «Зеленого змия» нередко стали именовать «Красным змеем»⁴². «Русь снова пьяна, только не вином, а свободой»⁴³ – подобными фразами пестрели газетные заголовки и были переполнены тексты передовиц, не говоря уже о репортажах с мест и тем более фельетонах. Не только в газетах, но и даже в официальных докладах должностных лиц выражением высшей похвалы тому или иному политическому лидеру служил эпитет «трезвый» или «трезвомыслящий», в крайнем случае, хотя бы «протрезвевший» или «отрезвленный». Но даже при этом, как правило, констатировалось, что в текущем состоянии все равно «ни одно **трезвое** (выделено мной. – П.М.) слово не доходит до народного сознания»⁴⁴.

Соответствующие алкогольно-лексические формулировки использовались и для обзора политических событий, и для оценок своего к ним отношения. «Кажется, наше опьянение немецкой самогонкой под названием "большевиловщина" кончилось», – преждевременно констатировала в статье «Похмелье» самарская кадетская газета «Волжский день». «Началось жестокое похмелье... Кряхтя и почесываясь, мы начинаем "подбирать" в уме, во что обошелся стране этот бесшабашный пьяный разгул», – так, например, комментировались июльские события в Петрограде⁴⁵.

Эта же газета позже, уже в другой передовице (со сходным названием «Земельное похмелье»), проводила аналогии земельных погромов в сельской местности с пьяными городскими погромами:

«Попробуйте отнять у толпы громил винных складов ту водку и тот спирт, который она гложет, разбивая бутылки и обрезая губы? Попробуйте потом "на уравнильных началах" отнять землю, которая будет самочинно прирезана и захвачена!»⁴⁶ ...

А еще чуть позже описываемого нами периода З. Гиппиус в стихотворении с символическим названием «Веселье» (29 октября 1917 г.) записала:

*Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!..*⁴⁷

Но, дело, разумеется, вовсе не в лексике. Как уже было отмечено, Смутой с самого начала де-факто был аннулирован царский – «недемократический» – «сухой закон» (который строго говоря, так и не был окончательно легализован – по иронии судьбы, последнее обсуждение соответствующего проекта было назначено в Государственной Думе на 27 февраля 1917 г.)⁴⁸. И уже 28 февраля в революционном Петрограде профессор Б.В. Никольский прозорливо записал: «...Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови...»⁴⁹.

И действительно, провозглашенная Февралем «демократия» была воспринята как, в том числе, возможность утолить накопившуюся жажду. «Глоток свободы» перестал быть для масс всего лишь фигуральным выражением и приобрел конкретное и понятное всем наполнение (Да и вся «Февральская революция» с самого начала теснейшим образом была повязана с «пьяной темой»: так, «в частности, штурму Петропавловской крепости 27 февраля предшествовал разгром спиртоочистительного завода на Александровском проспекте...»⁵⁰ и т.д.).

Винные погреба, аптеки, заводы по производству спиртного и склады для его хранения и другие подобные «естественные» очаги анархии – с наступлением «революционной демократии» превратились в объекты «стратегического значения», в ситуациях любых массовых беспорядков куда более привлекательные для реальных масс, чем хрестоматийные вокзалы, почты и телеграфы. Все большее число «революционных акций» совершалось с целью завладеть спиртным и воспользоваться им по прямому назначению. Но известно, что, разогнав тоску, бывает трудно остановить веселье. И еще большее число пресловутых акций совершалось, так или иначе, под влиянием спиртного.

Так, характеризуя типичное для «революционных толп» поведение на улицах «празднующего» Февраль Петрограда, оказавшийся в эпицентре событий английский инженер Ст. Джонс обобщил результаты

собственных наблюдений по-британски сдержанно, следующим образом: «...в большинстве случаев толпа врывается в аптеки, из которых выносятся любые виды спирта, который тут же на месте выпивался, в результате чего в "революционной толпе" было значительное количество пьяных и обезумевших элементов»⁵¹. И, как признают современные историки, «значительная часть революционных акций совершалась либо с целью завладеть спиртным, либо под воздействием алкогольных паров, и может классифицироваться не иначе как пьяные погромы»⁵².

Наиболее вдумчивыми исследователями подмечено также, что «потребление спиртного в революционной России являлось, помимо прочего, средством снятия ощущения неуверенности и избавления от страхов в неуютной, малопонятной и быстро меняющейся обстановке, способом символического "исправления" действительности, восстановления разрушавшихся социальных скреп, или ухода от нее», и, кроме того, «... "психологическая" функция алкоголя не исчерпывалась желанием утопить в нем свое горе. При объяснении вспышек массового пьянства в периоды наибольшей неуверенности в будущем не следует забывать, что совместное возлияние создает иллюзию укрепления связей между его участниками, помогая не только бежать от общества, но и испытать интенсивное ощущение принадлежности к группе. В условиях ослабления и обрыва общественных связей эта функция была, видимо, особенно востребованной»⁵³. При этом внимание обращено на «не только опасности, но и "спасительную силу" алкоголя как структурирующей, объединяющей, мобилизующей и примиряющей с действительностью силы, как важное средство выживания в перманентной экстремальной обстановке»⁵⁴.

Не будет большим преувеличением обобщающее утверждение, что именно алкоголь был одним из важных факторов, не просто характеризующих образ смуты, но придающих некое целостное единство самой смуте в целом – он служил фактором, объединяющим представителей самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. В известном смысле, алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные. В частности, как подметил В.П. Булдаков, одним из функционально значимых процессов, организующих «классовое единение» в ходе «Красной смуты», являлось самогоноварение, ставшее «своеобразным каналом "смычки" города с деревней, осуществляемой через вконец распоясавшихся солдат»⁵⁵, для которых вся «демократия» свелась к возможности «погулять "как все"»⁵⁶. Причем, по его же выражению, уже «к лету [1917 г. – П.М.] солдатская пьянь и большевизм слились в некий неразделимый развеселый образ»⁵⁷.

В архивах сохранились аутентичные аналитические обзоры Главного Управления по делам милиции МВД Временного правительства, в которых даны экспертные оценки поэтапного перерастания «демократических перемен» в типичные формы «деструктивного поведения масс»: различные «эксцессы», захваты, самосуды, погромы, и, наконец, фактически антигосударственные выступления. Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию (постепенно превращавшиеся в один «всероссийский погром») самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в возбужденные сходными желанием «массы». Они «объединяли погромные черносотенные элементы дореволюционного времени с последователями самых крайних левых течений. Политические организации перестают владеть настроениями масс, и это порождает анархию слева и контрреволюционные настроения справа...». Эксперты МВД отмечали, что излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты очень часто охотно примыкают к бесчинствующей массе. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих. «Все чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебрасываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток»⁵⁸.

Характерное обобщающее описание места и роли «алкогольного объекта» (в данном, пожалуй, наиболее распространенном случае, спиртового завода со складом) в общественной жизни обычного русского городка периода «февральской демократии» дано П.Н. Красновым в статье «Около спирта», опубликованной в журнале «Нива» в июле 1917 г. В ней он описывает типичнейшую картину накопления предпогромных настроений, закономерно приводящих к типичнейшему пьяному погрому: «В городе... не все ли равно в каком городе, в одном из многочисленных маленьких городов, рассеянных по лицу земли Русской <...> был казенный спиртоочистительный завод и склад винного спирта и денатурата. И вот, с того самого дня, как пришли в этот город солдаты – все достопримечательности города обратились в ничто... Объектом всеобщего наблюдения, местом всеобщих прогулок стал спиртовый завод и склад. Спиртовый завод не работал, но склад был полон. И это слово «полон» звучало как набатный звон... <...> ...спирт постепенно охватывал внимание, колдовал мозг, мучил сознание всей этой людской массы... <...> ...ходили с ведрами, ждали чуда... И чудо вышло. Чудо случилось. Кристальной струей забил живительный фонтан, но принес с собою не жизнь, а смерть многим людям... <...> Пьянели

сотнями, галдели, вырывали друг у друга котелки, толпились и падали под ноги перепуганных лошадей, били друг друга, целовались друг с другом, орали песни, от бешеного восторга переходили к озлоблению и тут же умирали с кровавой пеной на губах... В погребках были целые бассейны денатурата. И люди прильнули губами к фиолетовой, жгучей, отвратительно пахнущей жидкости и тянули ее полными губами, полным ртом. Слышались стоны, пьяные песни, проклятия, и на маленьком кусочке земли толклись тысячи обезумевших людей. Кто-то догадался поджечь спирт. Толпа ахнула и заревела, когда громадное голубое пламя метнулось из погребов... <...> Вой пламени сливался с ревом, хохотом, дикими возгласами и улюлюканьем толпы. <...> Это была страшная победа спирта над людьми. Более 100 трупов, как после какого-то сражения, лежало вдоль железнодорожного пути. Сто человек отдали свою молодую и кому-то так нужную, кем-то далеко любимую жизнь. За что?.. Два дня и две ночи бушевало море огня, выжигая кругом... И два дня ходила, шаталась и неистовствовала пьяная толпа, наводя ужас на обывателей. Пьяные люди врывались в мирные дома, перерывали имущество, толкали женщин, били детей, искали спирта. Нужно было опохмелиться, нужно было затуманить мозг, заставить себя позабыть все ужасы пережитого... "Сатана там правил бал!.."» – подытожил Краснов свой рассказ о характернейшем явлении «смутного времени»⁵⁹.

Описанная история не является художественным вымыслом или литературной гиперболой. Случаи, когда в ходе пьяных погромов и захватов винных погребов, спиртовых заводов и складов солдаты целыми десятками напивались до смерти, широко известны. Как об обычных, проходных эпизодах своего участия в Первой мировой войне, вспоминал, например, бывший солдат Д.Е. Моргачев: «Начальство прислало охрану – выгонять из склада и вытаскивать утопленников. А еще дальше был спиртной завод. Баки со спиртом были пробиты пулями, и спирт разлился, и не менее двух десятков солдат, опившихся и уже мертвых, валялось вокруг. И сюда поставили охрану. Так продолжалось несколько часов, потом пошли дальше...»⁶⁰.

Пожалуй, наиболее часто цитируемым в публикациях, посвященных роли алкоголя в политической жизни России 1917 г., документальным описанием «классического» солдатского пьяного погрома являются воспоминания очевидца о погроме, произошедшем в небольшом уездном городке Острогожске Воронежской губернии: «Началось нечто невероятное. Пили из ведер, солдатских котелков и просто перегнувшись через край огромного чана; пили тут же из бочек, пили во дворе, усевшись у стенок подвала. К заводу бежали со всех сторон всякие проходимцы. Теснота и давка в подвалах нарастали с каждой минутой. Солдаты, чтобы не лазать по гладким и скользким стенкам чанов и не черпать водку, перегибаясь через стенки, просто простреливали чаны из винтовок.

Струйки водки лились прямо в котелки. Но, разумеется, большая часть спиртного стекала на пол. Вскоре в подвале ходили по пояс в водке. Кто падал, больше уже не вставал, тонул в ней. Тут же возникали драки пьяных из-за места у бочек и чанов, из-за прохода в подвалы. Все кончилось чрезвычайно печально. То ли кто-то, выпив, решил закурить в подвале и бросил горящую спичку, то ли кто-то зажег спичку, чтобы найти упавшего товарища, но вдруг в подвале вспыхнул пожар, который моментально охватил все помещение. Началась страшная паника. Все ринулись к выходам. Образовались пробки. Люди с громкими воплями выскакивали из подвалов и с воем катались по земле, стараясь потушить свою горящую одежду. Многие пьяные так и не выскочили, сгорели»⁶¹. Подобных свидетельств можно привести еще множество.

Однако в таком специфическом – не просто *алкогольно-погромном*, но и *политико-алкогольном* – контексте, поставленный здесь вопрос до сих пор сложно отнести к числу всесторонне и исчерпывающе представленных в обширнейшей историографии российских революций. Поскольку такая проблема занимает особое место в истории Второй русской смуты, затронем отдельные историографические пласты рассматриваемой темы.

В частности, на рубеже XX–XXI вв., после очередной провальной попытки властей ввести в нашей стране «сухой закон», некоторые аспекты взаимоотношений российской исторической действительности и алкоголя стали предметом специальных исследований. Вышел целый ряд посвященных выявлению указанной ретроспективы монографических работ⁶². Было опубликовано изрядное множество отражающих те или иные фрагменты темы конкретно-исторических статей по близким к рассматриваемому периоду временам⁶³. Вышел ряд специальных работ о влиянии алкоголя на историю и культуру России зарубежных авторов⁶⁴. Было защищено несколько диссертаций по отечественной истории⁶⁵, появились даже специальные учебно-методические работы⁶⁶. В последнее время в научный оборот вводятся материалы специальных ежегодных научно-практических конференций, полностью посвященных теме «Алкоголь в России»⁶⁷.

Что касается проблемы алкоголя именно в революционной постфевральской России, то вслед за статьей С.А. Павлюченкова «Веселие Руси: Революция и самогон», ставшей одной из первых попыток в отечественной историографии революции научно увязать «пьяную тему» с темой революционных потрясений⁶⁸, появилось и множество других публикаций по этой «щекотливой» проблематике – как небольшие статьи, непосредственно посвященные отдельным эпизодам революционной эпохи⁶⁹, так и труды обобщающего характера⁷⁰.

И все же о конкретно-историческом значении пьяных погромов в российском политическом процессе между Февралем и Октябрем 1917 г.

сказано еще далеко не все. Гораздо более известны и изучены «пьяные погромы», прокатившиеся уже после захвата власти большевиками, прописанные в исторической литературе преимущественно в контексте борьбы с ними нового режима. В некоторых работах можно даже обнаружить довольно странные утверждения, что и сам этот феномен появился лишь с Октябрем, а до этого как бы и не существовал вовсе. И даже у серьезных исследователей можно прочесть: «Российская революция и последовавшие за нею катастрофические события вплоть до массового голода 1921–1922 гг. и его трудного преодоления "обрамлены" двумя эпизодами, во время которых массовые эксцессы пьянства приняли аномальный характер: массовыми разгромами городских винных складов в последние месяцы 1917 г., проходивших параллельно с приходом большевиков к власти, и повальным самогоноварением и бражничеством в сельской местности осенью 1922 г., на выходе из голодного бедствия и революционных потрясений»⁷¹. Отсюда недалеко до сомнительных выводов, что в первые месяцы после Февральской революции «массовых эксцессов пьянства» еще не было и вовсе, или что до прихода большевиков к власти они носили «нормальный» характер.

В нашем очерке сделана попытка взглянуть на проблему именно в «демократический», «добольшевистский» период «Великой русской революции» – от Февраля к Октябрю – и преимущественно через призму конкретного, специфического вопроса, который принято считать основным в революции. Как известно из классиков, это *вопрос о власти*.

И в контексте этого вопроса, нельзя не признать, что алкоголь был действительным и действенным фактором истории смуты, ее реальной политической силой, оказывавшей значимое влияние практически на все массовые социальные процессы⁷². Как чуть позже официально сформулировал бывший, что называется, «в теме» Л.Д. Троцкий: «Водка есть такая же политическая сила, как слово»⁷³.

Чтобы избежать обвинений в чрезмерных обобщениях и спекулятивных умозаключениях, не подкрепленных (якобы) документальными источниками, проиллюстрируем масштабы влияния «пьяных факторов» на общественные процессы в период между Февралем и Октябрем и соответствующую политическую борьбу на местах только на конкретно-исторических материалах Поволжья.

При этом сознательно не станем использовать богатейшие материалы, свидетельствующие о наличии и активном участии «пьяного фактора» в погромном движении в поволжской деревне и победившей в сельской местности «аграрной анархии» (Хотя, при всей относительной изученности «черного передела», роль алкоголя в крестьянских выступлениях также осталась на периферии исторической науки. А ведь

большинство погромов в деревне 1917 г. начиналось с локальной пьянки сбежавших с фронта односельчан, плавно перераставшей в «массовое революционное движение»).

Сосредоточимся исключительно на городских событиях и попытаемся документально проследить причинно-следственные связи между пьяными погромами, прокатившимися по поволжской провинции, и политической борьбой за власть **на примере массовых городских самарских погромов в мае 1917 г.**

Сохранившиеся неопубликованные архивные документы (в том числе уникальные свидетельства очевидцев, собранные в свое время Самарским истпартом), материалы периодической печати различной партийной и общественной ориентации, и некоторые опубликованные источники представляют собой в высшей степени любопытный фактический материал для исследования поставленной проблемы⁷⁴.

С 1 по 3 мая в Самаре не утихал грандиозный пьяный погром. Немногочисленным трезвым гражданам открылись воистину сюрреалистические картины апофеоза долгожданной отечественной «демократии». Огромные толпы обезумевших от жажды горожан и «гостей города» громили винные магазины, склады, погреба, аптеки. Пили взахлеб, в соответствии с «народными рецептами»: «из полуведра, да не чарочкой, а в припадочку». Пили все, что горит, и закусывали там же награбленным. Пили из бочек до тех пор, пока упившегося не оттаскивали более трезвые, занимавшие его место. От бутылок, чтобы не тратить время, прямо на месте отбивали горлышки. В страшной толкучке люди резали себе губы и руки, но не переставали пить, обливаясь вином и кровью.

«Банкет революции» удался на славу. Но изрядно «хлебнувшие свободы» маргинальные массы требовали «продолжения банкета». Жизнь города была полностью парализована. На улицах шатались буйные и валялись полумертвые. Объединенный Совет рабочих, военных и крестьянских депутатов вынес резолюцию о чрезвычайных мерах⁷⁵. Был введен комендантский час, принято решение «виноградное вино в бочках, прокисшее и испорченное, совершенно уничтожить, а коньяки, водки и неиспорченное вино перевезти в винный склад», а также «прекратить немедленно продажу из аптек и аптечных магазинов тройного одеколона». Манившие массы склады и подвалы Жигулевского пивоваренного завода и ряд винных погребов были затоплены с помощью городских пожарных команд. Многие из одержимых Бахусом бросались вплавь в образовавшиеся пенные потоки и жадно пили, некоторые захлебывались и тонули в мутных хмельных лужах. Долго не прекращались попытки попробовать, сильно ли разбавлено растекающееся по проезжей части вино.

Алкогольные напитки, до которых еще не успели добраться страждущие, повсюду уничтожались отрядами вооруженных рабочих Трубочного завода Самары (Масштабы «алкогольных ликвидаций»

иллюстрируют следующие цифры. Только в одном из магазинов – магазине Пятова – было уничтожено 10 тысяч бутылок вина и 20 пятидесятиведерных бочек. Только в одном из складов – складе Иванова – было уничтожено 7 тысяч ведер вина...)⁷⁶.

Сразу отметим, что Трубочный завод имел устойчивую репутацию главного бастиона местного большевизма. Закономерно, что и главную роль в вооружении рабочих отрядов и организации подавления массовых беспорядков в Самаре сыграли именно большевики.

Несмотря на вооруженное патрулирование улиц и аресты самых активных из числа любителей выпить на халяву и от души побуйнить (патрулями рабочих и солдат, в том числе с личным участием членов Советов Рабочих и Военных депутатов, было арестовано 234 человека, из них 143 солдата и 38 рабочих)⁷⁷, погромная вакханалия продолжалась еще трое суток. Толпы с криками: «Смерть буржуазии!», «Выпьем все у буржуев!», «Пусть их по миру!..» – продолжали искать бутылки, невзирая ни на какие увещевания властей «беречь завоеванные демократические свободы». Перефразируя известное высказывание И.С. Тургенева о том, что Венера Милосская несомненное принципов Французской революции, можно констатировать, что бутылка оказалась для толп гарнизонных солдат, местных рабочих, обывателей и маргиналов, а также приехавших в город на поиски лучшей доли губернских крестьян куда «несомненное», чем «принципы Февральской буржуазно-демократической революции».

Итоги «печальных событий», как мягко именовали пьяные погромы самарские газеты, оказались неутешительны. Городу был нанесен ущерб более чем в млн руб.⁷⁸ По улицам текли розовые ручьи, рядом валялись налакавшиеся грязного разбавленного вина разнообразные домашние животные жителей Самары и, разумеется, сами «отдельные жители». Как иронизировали местные репортеры, коровы и свиньи тоже с удовольствием сосали «необыкновенную воду», «сосали с аппетитом, как переодетый городской»... «Но все же приятнее видеть пьяную свинью, чем пьяного человека», – резюмировали газетчики⁷⁹.

Затем, как обычно, начался «поиск врагов», виновных «во всем» случившемся. Большевистская «Приволжская правда», по своему всегдашнему обыкновению, обвинила в организации пьяных погромов «черносотенцев», «охранников», переодетых в солдатскую форму «городовых», «жандармов» и прочих «слуг старого режима», к которым, дескать, присоединились «уголовные» и тому подобный «темный элемент»⁸⁰. Парадоксальным образом, в унисон выступил и главный местный орган печати «Партии Народной Свободы», который, несмотря на наглядный разгул «народной свободы», продолжал по привычке винить царя и мифических «слуг низвергнутого Николая». Воистину, «пьяный проспится, а дурак никогда»: за погромами «прозорливые» самарские либералы увидели угрозу «восхода старого солнца: – Солнца самодержавия», и с упорством, достойным лучшего применения,

заклинали массы сказать «виновникам» решительно: «Урядник, удались немедленно!»⁸¹.

Однако в Приказе № 137 от 3 мая начальника Самарского гарнизона указывались иные «враги демократии»: «Люди, ненавидящие Россию и, несомненно, состоящие на службе наших врагов, проникли в действующую армию с настойчивостью, характеризующей наших противников, и, по-видимому, выполняя их требования, проповедуют необходимость окончить войну как можно скорее. Одновременно с этим в стране идет усиленный призыв к неповиновению и погрому... Не верьте предателям, проповедующим погромы, непослушание... власти в лице Временного правительства...»⁸².

В воззвании «К солдатам, рабочим и гражданам» от 3 мая объединенных Советов указано: «Те, кто пил, не учел, кто его спаивает и зачем. Но мы учли. Из 18 арестованных за подстрекательство к погрому солдат 12 – *переодетые штатские, темные личности, ведущие погромную агитацию...*» (и здесь, и далее в тексте выделено мной. – П.М.). «Те же, кто вас толкал, рассуждали иначе: ваше *пьянство* для них было лишь средством завладеть вами и использовать для гнусных целей»⁸³.

«Волжский день» за 2 мая (№ 92) публикует статью «*Чьих рук дело?*», где вопрошает: «Кому же это нужно? Свободные граждане свободной России не могут устроить погром и заниматься отвратительным пьянством. Здесь чья-то чужая работа. Кому-то нужно вызвать беспорядки среди нас, нужно посеять раздор и, может, вызвать кровавые столкновения. С этой целью ненавистники свободы воспользовались лучшим оружием – они показали толпе бутылку. Они верили, что толпа не устоит перед соблазном и пойдет на все, только бы дотянуться до бутылки. Увы! Расчеты эти отчасти оправдались. Толпа кинулась на вино, а вылезшие откуда-то люди приглашали солдат: "Хлебните, товарищи!". Им нужно было непременно *втянуть в погром войска...* Кто же были лица, которые организовали *вчерашнее пьянство?* Кому был нужен *пьяный погром?* Если нельзя назвать этих людей по имени, если они достаточно спрятались от нас, то можно с уверенностью сказать, что эти люди – Враги Свободы!».

«Волжский день» за 4 мая (№ 94) в передовице «Рабья отрывка» называет виновников погрома «врагами нового режима»: «Разбежалось их много и повсюду, куда они побежали, началась смута. На фронте они кричали: «Долой войну!», шли брататься с немцами, подговаривали и других с ними пойти. В городах стали подговаривать на грабежи, в деревнях на разделы, не дожидаясь Учредительного Собрания. Но *резвый народ ни на грабежи, ни на погромы не пойдет...*».

Известно, что наиболее пострадали от погромов три городские улицы: Самарская, Заводская и Дворянская. По этому поводу в

«Волжском дне» за 3 мая (№ 93) за подписью «Земляк» были опубликованы следующие любопытные стихи под названием «Речи и результаты»:

*Каждый вечер «некто хмурый»,
На гранитном пьедестале,
Рядом с «царскою» фигурой,
Говорил о... «Капитале»...
На груди краснеют ленты,
Флаги классовых борений.
Из толпы аплодисменты –
Солидарность убеждений.
«Некто» сыплет о причинах,
Уходящих в глубь и вечность.
Об известных величинах,
Составлявших бесконечность,
Разложив на элементы
«Сущность грозного процесса».
«Мы, – кричит, – интеллигенты,
Представители прогресса!
Столкновенья психологии,
С точки зрения науки!..»
И твердит, твердит, убогий,
Аз да буки, аз да буки!
И в речах являя резвость,
Не сходя с своих позиций,
Проповедует он трезвость
Вплоть до спирта реквизиций.
И толпа ему внимает,
От восторга вся трепещет...
«Реквизиция!» – взывает,
И безумно рукоплещет.
С пьедестала «некто» смело,
На толпу кругом взирает
А толпа уж обалдела,
Ничего не понимает,
О рабочем, о солдате,
«Некто» речи продолжает...
И в конечном результате
Всюду трезвость насаждает,
И обласканный успехом
Неразборчивого мига,
«Некто» звал идти по вехам
«Исторического сдвига»,
По дороге пролетарской,
Демократии германской,
Сдвиг случился на Самарской,
На Заводской, на Дворянской!*

Из этих строк легко понять, на представителей какой партии в качестве главных виновников массового «демократического сдвига», бушевавшего на улицах революционной Самары в мае 1917 г., недвусмысленно указывал автор сего стихотворного памфлета, и орган партийной печати, его опубликовавший.

Однако повторимся, что первоначально все же и кадетские газеты, и издания ленинцев (и вообще местная пресса всех партийных мастей и оттенков), проявив редкое единодушие, обвиняли в случившемся неких *«бывших жандармов»* (это основная версия большевистской *«Приволжской Правды»*) и *«черносотенцев»* (этот ярлык постоянно использовали не только партии большевиков и кадетов как две «партийные крайности» февральской «демократии», но и практически все остальные действующие партии, начиная с марта 1917 г.).

Большевистские обвинения в организации погромов *«бывших городских и жандармов»* оказались напраслиной. Как позже писала о *«Приволжской Правде»* самарская эсеровская *«Земля и Воля»*: «...Давно и так известно – и это в порядке вещей, что во всех большевистских *«Правдах»* есть все, кроме правды – истины...») ⁸⁴. Из 234 задержанных не оказалось ни одного из бывших полицейских. Командиры рот, сформированных из чинов и жандармов, прислали в редакции газет гневные письма, в которых осуждали погромы и выражали готовность встать на защиту молодой свободной России от всяких на нее посягательств ⁸⁵.

Характерно, что *«жандармами наших дней»* называли большевиков представители других партий. Например, эсеровская *«Земля и Воля»* в статье *«Их тактика»* утверждает: *«Их тактика – бессовестная ложь и предательство. Их тактика – жандармское чтение "голубых мундиров и глаз" в сердцах своих противников. Их "дело" – преступная авантюра. Их "средства" – самодержавно-полицейское зажимание рта и ночные "налеты"..., их газета – "жандармско-Приволжская правда"»* ⁸⁶. Та же газета в статье *«Провокация»* *«поздравляет большевиков, уроки самодержавия по части погромно-провокационной политики восприняты ими хорошо»*.

Обвинения же в погромах *«черносотенцев»* другими социалистическими и даже буржуазными газетами требуют небольшого комментария. В 1917 г. практически все политические силы называли своих врагов *«черносотенцами»*, являвшимися в то время синонимом любых недоброжелателей демократии. Чаще всего так называли опять-таки большевиков.

Типичны в этой связи воспоминания одного из самарских рабочих-большевиков, участвовавших в вооруженных формированиях мая 1917 г. Когда он и его товарищи явились *«прекращать погром»*, толпа обвинила новоявленных *«красногвардейцев»* в *«черносотничестве»* и хотела

устроить над ними самосуд, но в конце концов «красногвардейцев-черносотенцев» арестовали и отправили в участок⁸⁷.

При отсутствии неопровержимых прямых документальных доказательств того, кем были организованы описанные погромы (если они вообще были «организованы»), можно все же задать классический детективный вопрос: *Cui prodest?* Кому они были выгодны, какая политическая сила смогла воспользоваться их «плодами»? Сопоставим некоторые факты.

Уже в первом номере «Правды» (от 5 марта 1917 г.) было провозглашено: «Задачей момента является образование пролетарской и демократической гвардии, которая вместе с революционными войсками в нужный момент могла бы защищать завоевания революции». 21–22 марта в «Правде» было опубликовано ленинское «Письмо издалека», где подчеркивалось, что «единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата». 28 апреля «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (а на другой день и «Правда») публикуют два проекта Устава Красной гвардии.

«Апрельские тезисы» В.И. Ленина выдвинули на первый план задачу борьбы за «перерастание» буржуазно-демократической революции в «социалистическую», опираясь на пролетариат и беднейшее крестьянство и установление их диктатуры в форме власти Советов, что, естественно, требовало устранения Временного Правительства и структур, на которые оно опиралось. Лозунги: «Вся власть Советам!», «Никакой поддержки Временному Правительству!» ставили перед партией задачу завоевания большинства в Советах, раскалывали демократический фронт, углубляли конфронтацию внутри российского общества. Для осуществления этой программы необходимо было расширить социальную базу партии и создать вооруженные силы, на которые большевики могли бы опереться для захвата власти.

Так или иначе, *объективно пьяные погромы явились универсальным и безотказным инструментом организации большевиками основных боевых ячеек будущей «гвардии».*

Как собственноручно писал Ленин, «...непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т. е. *быть готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя*»⁸⁸.

Самарский большевик И.Е. Лебедев вспоминал о докладе на городской партийной конференции В.В. Куйбышева, прибывшего с VII Всероссийской (апрельской) конференции большевиков из Петрограда: «Этим докладом, изложившим ленинскую установку на

переход к социалистической революции, было покончено с неясностями в вопросах тактики, существовавшими в нашей самарской организации в марте–апреле 1917 года. Мы – делегаты конференции – были воодушевлены раскрытой перед нами перспективой осуществления полноты власти Советов пролетарской диктатуры и с удвоенной энергией взялись за дело отвоения масс рабочих и солдат у соглашателей»⁸⁹.

18 апреля (1 мая по н. ст.) на праздновании Международного дня солидарности трудящихся большевики активно агитировали за новые антигосударственные лозунги. 23 апреля на митинге рабочих Трубочного завода большевики продолжили энергично бомбардировать массы призывами сплотиться вокруг Советов. 26 апреля на собрании большевиков Латышского района Самары была принята резолюция, требующая немедленного перехода власти Советам.

Но для организации широкой и явной деятельности по формированию Красной гвардии требовался повод. И вот 1 мая он «случайно» подвернулся: в результате подстрекательства «неустановленных провокаторов» вспыхивает погромное движение чудовищного размаха. Реакция большевиков в Совете была мгновенной – вооружение рабочих-большевиков Трубочного завода и формирование боевых дружин под политическим руководством большевистских комиссаров.

Близкая эсерам самарская социалистическая газета «Волжское слово» сразу же сообщила о создании Красной гвардии в количестве 1200 человек во главе со слесарем Трубочного завода большевиком П.Г. Сидельниковым⁹⁰. Но уже 5 мая «Известия Совета рабочих депутатов»⁹¹ спешат дать опровержение, заявляя, что «вопрос о Красной гвардии даже не обсуждался», а «дружины рабочей милиции были сформированы для противодействия пьяному погрому и носят временный характер». А 6 мая приказом объединенных Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов официально создан штаб по охране города с исключительными полномочиями и «боевыми дружинами особого назначения». И 17 мая на заседании Совета рабочих депутатов под председательством Куйбышева была организована «комиссия по организации Красной Гвардии»...

Самарские майские погромы дали отголоски по всей губернии. Так, 4 мая аналогичные события произошли в Бугуруслане, 7 мая тот же сценарий разыгрался в Белебее, 17 июля – в Новоузенске, 24 августа – в Николаевске... и т.д.

И такие же события предшествовали и окончательному оформлению Красной гвардии в октябре 1917 г. накануне переворота: 2–3 октября прокатились «пьяные погромы» в Бузулуке, 3 октября – в Николаевске и Пугачеве, 10–11 октября – в Бугульме...

И всюду погромы подавлялись вооруженными отрядами «Красной гвардии» или «Военно-революционными комитетами». Они специально создавались по такому случаю и вооружались. А после «восстановления порядка» оставались в полной боевой готовности⁹².

Таким образом, создание Красной гвардии партии Ленина (во всяком случае, в Самаре и Самарской губернии) неразрывно связано с пьяными погромами. *«Первым самостоятельным политическим выступлением Красной гвардии было решительное участие в ликвидации пьяных погромов, разразившихся в Самаре 14–16 мая [по н.ст. – П.М.]»,* – вспоминал большевик Ю. Милонов, лично участвовавший в описываемых событиях⁹³. *«Эти рабочие дружины нельзя не рассматривать как первоначальные ячейки будущей красной гвардии...»*, – вторит ему соратник по оружию В.М. Зубков⁹⁴. А самарский большевик Малинков в своих воспоминаниях конкретно ставит вопрос об источнике вооружения ударных сил ленинцев и столь же по-военному четко отвечает на него: *«Откуда брали оружие? Из штаба охраны в момент, когда в городе начинались грабежи и погромы»*⁹⁵.

Весной 1917 г. практически все реально действующие партии, за исключением большевиков, не были заинтересованы в погромном движении. Они (на словах, по крайней мере) демонстрировали «единство» в идее согласия политических сил страны и поддержки Временного Правительства ради укрепления и развития «демократических завоеваний» Февраля. Ложность такой политики последовательно обличали лишь большевики, которые фактически и не скрывали, что держат курс на развал «буржуазной демократии», дестабилизацию существующего строя, разложение армии, поражение в войне, захват власти.

В отличие от своих аморфных оппонентов, большевики оперативно реагировали на малейшие изменения ситуации. Не связанные никакими моральными ограничениями, они не брезговали использованием любых средств и любых обстоятельств. *«...Если говорить о наших достоинствах, то к их числу надо отнести наше умение быстро схватить суть вещей и моментально написать необходимую резолюцию. Если здесь говорили о колебаниях, то они у нас если и были, то вызывались условиями времени, как, например, такой момент, когда нам грозили расстрелом за печатание статей»,* – свидетельствует старый самарский большевик И.Г. Бирн⁹⁶. Другой самарский большевик, А.Х. Митрофанов, откровенничал, вспоминая о событиях 1917 г.: *«Я вам приведу такой пример: на Трубочном заводе был взрыв. Погибло много рабочих и должны были состояться похороны их, но похороны церковные. Пред нами встал вопрос: провожать ли нам рабочих к попу или нет, и мы решили, что наплевать нам на попов, и пошли, чтобы приобрести большевистский*

капитал в лице рабочих. Таких примеров могли бы привести много товарищи, работающие на заводах...»⁹⁷.

Если же политическая ситуация не устраивала большевиков, они не останавливались и перед провокациями, чтобы изменить ее в выгодную для себя сторону. Так, в октябре 1917 г. для того, чтобы захват власти в Самаре был обоснован в глазах масс, городскими большевистскими лидерами В.В. Куйбышевым и А.А. Масленниковым был предложен учитывающий психологию масс простой, но действенный план: сначала закрыть буржуазные газеты, обложить буржуазию принудительным «займом», арестовать губернского комиссара Временного Правительства и начальника гарнизона и т.д. «Противодействие со стороны буржуазии подымет энергию в массах и тогда, имея за собой большинство.. большевикам удастся объявить диктатуру...»⁹⁸.

Ответственность за взрыв в «Белом Доме» (где заседали Самарские Советы), произошедший в декабре 1917 г. непосредственно по вине «боевых дружин» большевиков и максималистов, ленинцы, по обыкновению, так же легко переложили на эсеров, «буржуев» и т.п. И, объявив военное положение «на время ликвидации заговора врагов против завоеваний революции», использовали и это происшествие для укрепления захваченной власти и уничтожения политических противников⁹⁹. Вскоре после этого полторы сотни вооруженных людей разгромили штаб городской милиции *и уничтожили все дела (сохранность которых, вероятно, давно беспокоила местных революционеров)*¹⁰⁰.

Изобретательность ленинцев в вопросах подготовки к взятию власти, на фоне полной несостоятельности других политических партий и «законных» органов власти, позволяла им, не без оснований, чувствовать себя вне конкуренции и действительно постоянно опережать и тактически обыгрывать конкурентов. Еще один непосредственный участник большевистских акций из числа рабочих Трубочного завода так рассказывает об еще одном, чуть более позднем способе довооружения самарских ленинцев: «Достать винтовок и гранат дело было сложное. О пулеметах, конечно, и не мечтали. Но на то мы и большевики, чтоб преодолеть всякие препятствия. Намечались выборы в Учредительное Собрание, и большевики поставили вопрос об охране избирательных участков. Городской Совет и Городская дума (большевистские) поручили эту миссию рабочим и солдатам. Договорились с полковыми солдатскими комитетами о позаимствовании винтовок для рабочих и выделении комиссаров из солдат, достали большое количество гранат. И в день выборов в Учредительное Собрание на избирательных пунктах мы, Красная гвардия, гордо, с оружием в руках, несли охрану. Буржуазия неистовствовала, но ничего сделать не могла. Мы уже были вооружены. Мы это оружие держали в надежных руках»¹⁰¹.

Ленин и его партия не делали и не собирались «делать политику в белых перчатках». Они были прагматиками до цинизма, отбрасывали какие бы то ни было моральные препоны с выбранного раз и навсегда пути, на котором «цель оправдывает средства», делали все возможное, чтобы еще более усложнить обстановку, ослабить и скомпрометировать власть, разложить армию, ибо «*победа народного восстания мыслима только в случае дезорганизации войска*» (резолуция IV съезда РСДРП (б), апрель 1906 г.)¹⁰², поддерживали любые антигосударственные выступления («Чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах энергии... тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сводящиеся к авантюризму оголтелых боевиков»¹⁰³). Если другие пытались остановить бурю, то большевики ее искали. Положение, о котором мечтают все экстремисты – «*чем хуже, тем лучше*», – являлось откровенным тактическим ориентиром ленинцев в период от Февраля к Октябрю. Они не скрывали, что «...если и суждено проливать неповинную человеческую кровь, то эта кровь не будет орошать поля, на которых впоследствии взойдут розы буржуазных вождельний»¹⁰⁴.

Погромы терроризировали обывателя, а еще А. Токвиль отмечал, что революциями управляет страх. Большевики сумели мобилизовать в своих интересах обе крайности массового сознания – и стремление к анархии, и желание твердой власти. В плане использования массового сознания в своих целях большевикам вообще не было равных.

Использование пьяных погромов и их подавления также стало шаблонным, но чрезвычайно действенным приемом большевистской партии. «Пьяные погромы» деструктурировали власть и обнажали ее бессилие, они давали большевикам возможность вооружаться под предлогом наведения порядка и оставлять оружие в ожидании подходящего случая. Сама деятельность по подавлению погромного движения служила безопасной репетицией будущих активных вооруженных действий, позволяла завоевывать политический капитал у населения на фоне падения престижа не способной эффективно действовать «законной» власти, приучала население к организованному насилию, придавала легитимности антиправительственным акциям большевиков, подготавливала сознание масс к будущему перевороту.

Отработанная схема «*погром – организация Красной гвардии – подготовка к перевороту*» типична не только для Самарской губернии. Напротив, она прослеживается во многих и многих населенных пунктах России, что может стать предметом особого комплексного исследования. В данном же очерке лишь делается попытка поставить проблему системной связи погромного движения с тактическими установками и

реальной деятельностью большевистской партии на некоторых конкретных примерах.

В этой связи представляют интерес, в частности, и воспоминания симбирского большевистского деятеля И.Д. Прыткова об обстоятельствах подготовки к захвату власти партией Ленина в Симбирской губернии, где большевиков осенью 1917 г. было явно недостаточно для организации открытого переворота. Он пишет, что большевики, «конечно, захватить власть в свои руки при том соотношении сил большевистских, по сравнению с другими организациями, не могли в октябре, *поэтому октябрьские дни ознаменовались массовыми погромами в магазинах*¹⁰⁵.

А о том, за чью власть боролись большевики, красноречиво свидетельствуют воспоминания уже упомянутого А.Х. Митрофанова о «завоевании масс»: «Тут надо расчленить два момента: *создание действующего актива нашего боевого кулака, мы готовились к восстанию*. Как образовался кулак? Многим казалось, что этот кулак создавался стихийно, вырос после октябрьского переворота. Я лично думаю, *организационный корень был заложен в мае*. Второе, к какому моменту относится создание нашей Красной гвардии? Несомненно, зачатки ее были еще до Октябрьской революции... Я знаю, что в *Саратове*, например, было несколько иначе: обсуждался вопрос о возможности власти *в то время, когда фактически рабочие власть уже имели, и поэтому там завоевание власти прошло иначе, а именно – оно было кровавым*. У нас этого не было, потому что мы из основного ядра начали создавать Красную гвардию. Мы, большевики, шли впереди, а за нами шла масса»¹⁰⁶.

***

Спустя небольшое время после победы большевиков, когда еще не вошел в обиход ставший впоследствии каноническим термин «Великая Октябрьская социалистическая революция, и вместо конструкции «ВОСР» употребляли просто слово «*переворот*», самарские историки начали размышлять над вопросом: «как организовывалась большевиками вооруженная рабочая сила для наступающего переворота»¹⁰⁷. Приведенный выше ряд фактов и их сопоставление в свете поставленной проблемы дает возможность по-новому ответить на этот вопрос.

Затронутая тема не утратила своей актуальности и в наши дни. Не следует забывать, что идеализируемые черты русского национального характера, с их действительно огромным положительным потенциалом, не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной социально-правовой ментальности. Они имеют и оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенциалов, если политики оказываются не способными к пониманию

природы и механизма массовых движений и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и партий.

Конечно, пьяные погромы не относятся к событиям нашей истории, которыми стоит гордиться. И может возникнуть вопрос: «А надо ли это вспоминать?». Уместно ответить словами А.И. Солженицына: «Вам – не надо вспоминать? А нам – надо! – ибо мы не хотим повторения в России этого бушующего *кабака*, за 8 месяцев развалившего страну»¹⁰⁸.

В заключение подчеркнем: несмотря на очевидно значимую и весьма неприглядную роль алкоголя в социально-политической истории 1917 г., все же было бы в корне неверно интерпретировать революционные события этого времени как только лишь пьяное безумие смуты. Затуманивая и отупляя рассудок, алкоголь во многом обнажал и обострял чувства. И ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции – к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых волеизъявлений – к последствиям массовых возлияний. Напротив, автор убежден, что массовые феномены общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят внешне как проявления сплошного социального безумия) внутренне подчинены неявной исторической логике более высокого порядка.

---

¹ См.: *Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 217; *Он же.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 5.

² *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 230.

³ См.: *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 84–95; *Он же.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–42.

⁴ См., напр.: *Нарский И.В., Хмелевская Ю.Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгромов винных складов в России 1917 г.) // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 259–281.

⁵ *Верхарн Э.* Толпа (перевод М. Волошина).

⁶ *Мандельштам О.Э.* О, этот воздух, смутой пьяный... (Апрель 1916 г.) // *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. в 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 171. Разумеется, Мандельштам пишет о «вине» иносказательно, имея в виду прежде всего духовное «опьянение». Но само обращение именно к такого рода символам при описании предчувствия русской смуты и ее дальнейших событий отнюдь не случайно – и в русской поэзии, и в русской философии. Любопытны в этой связи и, например, выводы Н.А. Бердяева (которые в контексте данной темы приобретают дополнительное значение) в его знаменитой «Судьбе России» (в главе с символическим названием «Темное вино»): «Старая Россия и должна опьянять себя в час разложения и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступает место жизни новой. Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент

оргии. И история окружает этот конец фантастикой» (*Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 62–63).

⁷ *Заиграев Г.Г.* Особенности алкогольной ситуации в России 90-х годов // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М., 2000. С. 84. См. также: *Горин Н.И.* Русское пьянство как социально-культурный феномен // Власть. 1998. № 3. С. 50–57. Подробнее об исторических особенностях употребления алкоголя в России см.: Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология. СПб., 2008.

⁸ См., напр.: *Огуцов П.П.* История формирования северного стиля потребления алкоголя в России // Алкогольная болезнь. М., 2000. № 6.

⁹ См.: *Василий Буслаев* // Былины: Русский героический эпос. Л., 1938. С. 391.

¹⁰ См.: *Вышеславцев Б.* Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 630–633.

¹¹ Кроме того, стоит учитывать и тот, свойственный русским социокультурным традициям психологический факт, что в России – внеюридически – состояние опьянения, как правило, воспринимается человеком и обществом как «смягчающее обстоятельство» (исторически сложилось так, что, по «русской моральной шкале», человек, совершивший злодеяние, не будучи при этом ни пьяным, ни одержимым, априори оценивается гораздо строже). Поэтому, предполагая в ближайшем (непосредственно) будущем совершение очевидно (для трезвого сознания) неблагоприятных поступков, «традиционный» человек стремился (сознательно или неосознанно, заранее или по ходу действия) привести себя в соответствующее состояние – тем самым как бы частично оправдывая себя перед судом общественного мнения и собственной совести.

¹² См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993. С. 75, 280; *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность: (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 170.

¹³ Еще раз подчеркнем, что неэффективность подобных мер не является какой-то «чисто русской» особенностью. По выводам современных специалистов, «искоренить или резко снизить принудительными мерами потребление алкоголя населением в короткие сроки не удалось за последние два столетия ни одному правительству в мире» (см.: *Быкова А.Г.* Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореферат дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2012. С. 3).

¹⁴ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 2010. С. 723.

¹⁵ Кстати, Смуте XVII в. тоже предшествовали алкогольные преобразования 90-х гг. XVI в., и, теоретически, можно предположить наличие вполне определенной, устойчивой причинно-следственной связи между попытками изменений в этой сфере «сверху» и реакций на них «снизу», типичность которых находит выражение во всех трех «Великих смутах» российской истории.

¹⁶ *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 57. О роли «сухого закона» в генезисе революции 1917 г. см. также: *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139. Подробнее: *Он же.* «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. Саарбрюккен, 2012.

¹⁷ Хотя, возможно, в России взаимосвязь и взаимозависимость (в том числе, и возможность «взаимоперетекания») «гражданского протеста» и «гражданской пьянки» более актуальны, чем, например, в Западной Европе. Небезосновательным выглядит предположение, что русские в целом более склонны придавать обычной для европейцев алкогольной релаксации «гражданский», «патриотический», «политический», «моральный», «протестный», «революционный и т.д. характер. В рамках поставленной

проблемы представляют интерес, например наблюдения А.С. Изгоева, который, сравнивая известные ему не понаслышке «пьяные гулянки» студенческой молодежи тогдашних России и Германии, сделал такие выводы: «Немецкий студент, "бурш", с его корпорациями, их глупыми обрядами, шапочками, дурачествами, кнайпами, мензурами-дуэлями и прочими атрибутами, ничего, конечно, кроме чувства презрения, в русском передовом студенте не возбуждает. И, понятно, во всем этом нет ничего привлекательного. Но не надо и тут преувеличивать. Лично я всего только один раз видел пирующих немецких корпорантов. Зрелище не из приятных и отвечающее в общем тому, что о нем пишут. Но должен сказать, что это глупое веселье молодых бычков все же не возбуждало во мне такого тяжелого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся большей частью ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т.д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буйнит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и "Дубинушку" и "Укажи мне такую обитель"...» (Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроениях) // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 192–193). Понятно, что сказанное относится не только к студентам... И не только к интеллигенции или, напротив, к народным «низам». Стремление «рядить» буйство «пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби» проявляло себя в рассматриваемых нами событиях на всех уровнях социальной жизни, и, пожалуй, его можно считать одной из качественных характеристик т.н. «русской смуты» в целом.

¹⁸ Показательно, что только В.И. Далем в свое время собрано, по крайней мере, около четырех сотен русских народных поговорок, непосредственно посвященных теме пьянства (и это не считая косвенно с ней связанных) – см., напр.: *Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: [Пьянство]* // <http://bibliotekar.ru/dal/74.htm>.

¹⁹ Как метко подметил в статье «Русский этос» А.Е. Зимбули: «С трудом представляю себе, что еще в каком-то языке столь сблизены, как в русском, слова "поддаваться" и "поддавать", "подданные" и "поддающие"... Если современный английский богат вкладом в области, сопряженной с такими понятиями, как *маркетинг, мониторинг, имиджмейкер, PR, кастинг, менеджер, глобалистика*, французский запечатлен всемирноупотребляемыми словами *парламент, премьер-министр, революция, гильотина, дуайен*, итальянский знаменит своими словами *опера, сопрано, тенор, форте, пиано, глиссандо, крещендо, диминуэндо*, мы можем похвалиться такими изобретениями, как *самогон, сивуха, шуровик, ханыга, похмелье, посошок, с бодуна, перегар, чекушка, стопарь, наливай, плесни, остограммитесь, залить зенки, принять на грудь, шандарахнуть, вздрогнуть, заложить за воротник, загудеть, нализаться, надраться, наклюкаться...*». Автор обращает внимание и на то, что «...не в оправдание пьянства, но для придания большей объективности рассмотрению "традиционной русской болезни" нелишне вспомнить, что выпивка не принадлежит к числу семи смертных грехов: их список включает в себя гордыню, жадность, блуд, тщеславие, обжорство, гнев и уныние. Если кому не лень, поищите в этом списке воровство!..» (Зимбули А.Е. *Русский этос* // <http://aesthetics-herzen.narod.ru/issl.html>, <http://aesthetics-herzen.narod.ru/Zimbuli.doc>).

²⁰ *Гурин С. Праздник и опьянение как антропологические феномены* // *Топос*. 2009. 23 апреля // <http://topos.ru/article/6666>.

²¹ Об актуальности изучения «карнавальной» культуры для постижения особенностей политического процесса в России вообще и российских революций в частности, см., напр.: *Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала* // *Полис*. 2006. № 5. С. 58–74.

- ²² Эти соображения высказаны Рене Геноном в декабре 1945 г. (см.: *Guenon R. Sur la signification des fêtes carnavalesques // Etudes Traditionnelles. 1945. № 12*); цит. по: *Генон Р. О смысле карнавальных праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 47.*
- ²³ См.: *Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 112.*
- ²⁴ Цит. по: *Симуш П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 234.*
- ²⁵ *Безгин В.Б. Указ. соч. С. 172.*
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Алексеев А. Падение монархии в России: заговоры и революция // Наука и жизнь. 2007. № 11. С. 62.*
- ²⁸ *Веселовский С.Б. Страницы из дневника. 1917–1923 // Из старых тетрадей. М., 2004. С. 28.*
- ²⁹ *Павлова Т.А. Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 173.*
- ³⁰ См.: *Бехтеев С. Звонарь (ноябрь 1917 г.) // Песни русской скорби и слез: За Веру Святую, за Землю Русскую, за Белого Царя // <http://bokatch.com.ru/Bekhteeew.php>.*
- ³¹ *Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 370.*
- ³² Скифы: Сборник 1-й. Пг., 1917. С. X.
- ³³ *Волошин М.А. Святая Русь // Волошин М.А. «Средоточье всех путей...»: Избр. стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. С. 78.*
- ³⁴ *Солоневич И.Л. Россия и революция. М., 2007. С. 386.*
- ³⁵ *Булгаков С.Н. Автобиографическое // С.Н. Булгаков: Pro et contra. СПб., 2003. Т. 1. С. 99.*
- ³⁶ *Булгаков С.Н. На пиру богов // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 112.*
- ³⁷ См. также: *Галин В.В. Война и революция. М., 2004. С. 80.*
- ³⁸ *Булгаков С.Н. Автобиографическое. С. 101.*
- ³⁹ *Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 204–205.*
- ⁴⁰ См. также: *Нарский И.В. «Пьяная революция»: население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 193–212; Булдаков В.П. Революционная наркотизация: параметры проблемы // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 300–312.*
- ⁴¹ Цит. по: *Славянова З. М. Лубочная литература 1917 г. // Революция 1917–18 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1918. С. 106–107.*
- ⁴² Симбирская народная газета. Симбирск. 1917. № 9 (11 мая).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2.
- ⁴⁵ Волжский день. Самара. 1917. № 154 (18 июля).
- ⁴⁶ Волжский день. № 222 (12 октября).
- ⁴⁷ Цит. по: *Муриков Г. Мифотворческий эрос: К 140-летию со дня рождения Зинаиды Гиппиус // Топос. 2009. 13 июля // <http://topos.ru/article/6761>.*
- ⁴⁸ См.: *Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции. С. 137.*
- ⁴⁹ Цит. по: *Чхартишвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.*
- ⁵⁰ См.: *Глобачев К. И. Правда о русской революции: [Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева] // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 64.*
- ⁵¹ *Jones S. Russia in Revolution. Being the Experience of an Englishman in Petrograd During the Upheaval. London, 1917. P. 118. См. также: Аксенов В.Б. «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. С. 100.*
- ⁵² *Рынков В. Водка казенная, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50.*
- ⁵³ *Нарский И. В. Алкоголь в русской революции (1917–1922 гг.) // Алкоголь в России. Иваново, 2012. С. 30, 31.*

⁵⁴ Там же. С. 31–32.

⁵⁵ Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 114.

⁵⁶ Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем». С. 60.

⁵⁷ Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 123.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151 об., 152, 153 об.

⁵⁹ Краснов П.Н. Около спирта // Нива. 1917. № 29 (22 июля). С. 448–451.

⁶⁰ Моргачев Д.Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910–1930-е годы. М., 1989. С. 250–251.

⁶¹ Цит. по: Сухов Ф. Русское пьянство. От царя Гороха до наших дней // Планета. 2007. № 1.

⁶² См., напр.: Багдасарян В.Э., Орлов И. Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005; Валеев И.И. Алкоголь в России: история и современность. Уфа, 2006; Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007; Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005; Их же. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. СПб., 1999; Левин Б.М. Радости и горести питья сквозь призму политики. М., 2006; Николаев А.В. Русское пьянство: от традиции к политике. Тольятти, 2007; Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

⁶³ См., напр.: Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии?: Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е гг. // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73; Звягин С.П. Сибирское земство и самоноварение в 1918–1919 гг. // История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 112–115; Капустина Я.В. История развития алкоголизма в Енисейской губернии в годы социальных катаклизмов // Будущее России: перспективы и стратегии развития. Казань, 2005. Т. V. С. 170–174; Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 20–32; Кузнецов А.И. Потребление алкоголя сельским активом Сибири глазами крестьянства 1920-х гг. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 228–232; Литвак К.Б. Самоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88; Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 79–83; Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопр. истории. 2008. № 11. С. 67–78; Он же. «Уличное пьянство» как социально-культурное явление российского общества XIX–XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 14–23; Орлов И.Б. «Класс – он тоже выпить не дурак»: Краткий курс российского пьянства на заре советской власти // Солидарность. 2002. № 16. С. 14–15; Павлюченко С.А. Ильич в запое // Родина. 1997. № 11. С. 47–53; Рынков В.М. Винная монополия в автономной Сибири // ЭКО. 2000. № 12. С. 157–162; Он же. Водка казенная, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50–52; Тихомирова Н.М. Объективные интенции к росту алкогольного потребления в послеоктябрьской России // Вестник молодых ученых. 1999. № 5. С. 53–59; Она же. Производство и потребление алкоголя в первые годы нэпа: механизм контроля и формы противодействия // Источник. Историк. История. Вып. 1. СПб., 2001. С. 509–528; Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самоноварения (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 3. С. 26–30; Яров С.В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 42–44.

⁶⁴ См., напр.: Байрау Д. Бахус в России // П.А. Зайончковский, 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 351–377; Мак-Ки А.

Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С. 146–159; *Треншел К.* Проблема пьянства в России и антиалкогольная кампания в годы первой пятилетки (1928–1933) // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 91–93; *Braun M.*

Vremja Golovokruženija – Zeit des Schwindels. Der alkoholische Rausch als Geste kulturellen Beharrens in der Sowjetunion der 1920er- und 1930er-Jahre // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. № 10 (51). S. 896–911; *Herlihy P.* The alcoholic empire: Vodka & politics in late imperial Russia. Oxford [etc.], 2002; *Phillips L. L.* Bolsheviki and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929. DeKalb, 2000; *Shlapentokh D.* Drunkenness and Anarchy in Russia: A Case of Political Culture // *Russian History.* 1991. № 4. P. 457–500; *Idem.* Drunkenness in the Context of Political Culture: The Case of Russian Revolutions // *International Journal of Sociology and Social Policy.* 1994. Vol. 14. – № 8. P. 1–78; *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge; N. Y., 1984. P. 74–109.

⁶⁵ Только по специальности 07.00.02 (наряду с уже цитированными) см., напр., кандидатские диссертации: *Зоткина Н.А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция. Пенза, 2002; *Карандашев Г.В.* Питейное дело в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2006; *Кузнецов А.И.* «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг. Новосибирск, 2005; *Николаев А.В.* Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории. Тольятти, 2002; *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. Пенза, 2002.

⁶⁶ См., напр.: Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве (1917–1985 гг.): Учебно-методические материалы. М., 1988.

⁶⁷ См., напр.: Алкоголь в России: Материалы первой международной научно-практической конференции. Иваново, 2012.

⁶⁸ *Павлюченков С.А.* Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133–142.

⁶⁹ См., напр.: *Ганеева М.С.* Средние слои населения г. Владикавказ: революционизация повседневности // Научный журнал КубГАУ: Исторические науки. Краснодар, 2006. № 21. // <http://ej.kubagro.ru/2006/05/pdf/01.pdf>; *Данилова М.Д.* Несколько штрихов к октябрьским дням 1917 г. в Ярославской губернии // Новый мир. 2001. № 4. С. 220–222; *Канищев В., Протасов Л.* «Допьем романовские остатки!» Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8. С. 62–65; *Николаев А.В.* Борьба с пьяными погромами в 1917 году // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти, 1999. Вып. I. С. 50–65; *Ольнева О.В., Федюк В.П.* Пьянство и пьяные погромы в Ярославской губернии в 1917 году // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. В 2 ч. Ч. 2. Кострома, 2003. С. 11–18; *Трошина Т.И.* Народное пьянство на Европейском Севере России в «эпоху войн и революций» // Новый исторический вестник. 2011. № 4. С. 18–28.

⁷⁰ См., напр.: *Булдаков В.П.* Красная смута... (и множество других работ В.П. Булдакова); *Канищев В.В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М, 2001.

⁷¹ *Нарский И. В.* Алкоголь в русской революции (1917–1922 гг.). С. 27.

⁷² Некоторые современные авторы склонны даже чуть ли не все уличные лозунги и революционные песни в 1917 г. физиологически связывать с массовым употреблением алкоголя. Так, В.Б. Аксенов отмечает: «Известно, что активные дыхательные упражнения способствуют выветриванию алкогольных паров. Толпа в подавляющем большинстве не понимала своих лозунгов, просто,

чтобы протрезветь, нужно было петь и кричать – а что кричать, значения уже не имело» (Аксенов В.Б. «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. С. 103).

⁷³ Троцкий Л.Д. Заключительная речь на заседании Петроградского Совета о заговоре кадет и пьяных погромах // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Пг., 1917. № 246 8 дек.

⁷⁴ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 202. Л. 17; Д. 210. Л. 56–58 и др.; Ф. 651. Оп. 5. Д. 38. Л. 57–58 и др.; Волжский день. Самара. 1917. №№ 92, 93, 94, 97, 98; Волжское Слово. Самара. 1917. №№ 91, 94; Солдатская газета. Самара. 1917. № 20; Приволжская Правда. Самара. 1917. №№ 11, 13; Известия Совета рабочих депутатов. Самара. 1917. № 43; Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. Т. 1. Самара, 1927. С. 91–94; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии 1902–1917 гг. Куйбышев, 1969. С. 465; и др.

⁷⁵ Солдатская газета. Самара. 1917. № 20; Волжский день. Самара. 1917. № 93; Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 90.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Приволжская Правда. Самара. 1917. № 13.

⁷⁸ Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 91.

⁷⁹ Волжский день. Самара. 1917. № 94.

⁸⁰ Приволжская Правда. Самара. 1917. №№ 11, 13.

⁸¹ Волжский день. Самара. 1917. № 92 (2 мая).

⁸² ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 6. Л. 149.

⁸³ См.: Волжский день. Самара. 1917. № 94 (4 мая).

⁸⁴ Земля и Воля. Самара. 1917. 2 ноября.

⁸⁵ См.: Волжский день. Самара. 1917. №№ 95, 98.

⁸⁶ Земля и Воля. Самара, 1917. 2 ноября.

⁸⁷ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 210. Л. 56–58.

⁸⁸ Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 8.

⁸⁹ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 5. Д. 45. Л. 3.

⁹⁰ Волжское Слово. Самара. 1917. № 91.

⁹¹ Известия Совета рабочих депутатов. Самара. 1917. № 43.

⁹² Кстати, характерно, что и начальником уже «зрелой» – октябрьской – гвардии Самары был назначен не кто иной, как большевик А.В. Гавриленко, который в мае 1917 г. «прославился» именно своей активной ролью в подавлении так называемого «пьяного бунта 14–16 мая» (по н. ст.), в частности тем, что избивал арестованных непосредственных участников и свидетелей погрома, за что в том же месяце был исключен из состава городского Совета рабочих депутатов... – см.: Известия Самарского Совета рабочих депутатов. Самара. 1917. № 61 (31 мая).

⁹³ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 5. Д. 38. Л. 57–58.

⁹⁴ Там же. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 200. Л. 42.

⁹⁵ Там же. Д. 197. Л. 8.

⁹⁶ Там же. Д. 205. Л. 16.

⁹⁷ Там же. Л. 10.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1000. Оп. 2. Д. 5. Л. 55 об., 50–50 об.

¹⁰⁰ См.: Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 347.

¹⁰¹ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 5. Д. 78. Л. 49.

¹⁰² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 199.

¹⁰³ Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 76–77.

¹⁰⁴ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. Самара. 1917. 29 июня.

¹⁰⁵ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 281. Л. 4.

---

¹⁰⁶ Там же. Д. 205. Л. 11.

¹⁰⁷ *Троцкий В.В.* (заведующий Самарским истпартом – *прим. П.М.*).
[Рукопись] // СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 202. Л. 15.

¹⁰⁸ *Солженицын А. И.* Наши плюралисты
// <http://www.rodon.org/sai/np.htm>.